

НИЖЕГОРОДСКІИ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна Ниж. Церк.-Общ. Вѣстника: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный №—15 коп.

Цѣна за помѣщеніе объявленій: на 1-й страницѣ 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою петита; на послѣднихъ страницахъ—10 коп.; повтореніе—по соглашенію; разсылка готовыхъ объявленій вѣсомъ не болѣе 1 лота 6 руб. съ тысячи.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи и парчевомъ магазинѣ при Домѣ Братства Св. Георгія.

№ 33-й.

Доставленныя въ Редакцію рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Письменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ. Изъ замѣтокъ читателя.—Поднятіе нравственности среди нашего юношества.—Хроника мѣстной епархіальной и общей церковной жизни.—Изъ общественной жизни.—Объявленіе.

Отъ Совѣта Нижегородскаго Епархіальнаго женскаго училища.

I.

При Нижегородскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ открывается съ 15-го сентября 1909 года VII дополнительный педагогическій классъ.

На основаніи Высочайше утвержденного Положенія о VII дополнительномъ педагогическомъ классѣ при епархіальныхъ женскихъ училищахъ условія поступленія въ VII классъ слѣдующія:

1) Въ дополнительный педагогическій классъ при епархіальныхъ женскихъ училищахъ принимаются безъ испытанія: а) всѣ воспитанницы этихъ училищъ, а также женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, удовлетворительно прошедшія общій училищный курсъ, непосредственно по окончаніи сего курса и б) воспитанницы предшествующихъ выпусковъ, если со времени окончанія ими училищнаго курса прошло не болѣе двухъ лѣтъ, по представленію одобренныхъ свидѣтельствъ о своемъ поведеніи за это время. Окончившія курсъ болѣе двухъ лѣтъ могутъ быть принимаемы не иначе, какъ по выдержаніи испытанія по всѣмъ обязательно изучавшимся ими въ училищѣ предметамъ.

2) Количество воспитанницъ дополнительнаго педагогическаго класса, въ видахъ наиболѣе успешнаго теченія учебныхъ, въ особенности практическихъ занятій, не должно быть значительнымъ и, будучи устанавливаемо въ зависимости отъ совокупности мѣстныхъ условій, не должно превышать тридцати. (Церк. Вѣд. 1907 г. № 41).

3) Прошенія о приѣмѣ родителями дѣвицъ подаются въ Совѣтъ училища до 1-го сентября, съ приложеніемъ аттестата и проч. указанныхъ выше документовъ. О результатахъ разсмотрѣнія прошеній всѣ будутъ извѣщены по указаннымъ въ прошеніяхъ адресамъ.

4) Плата за обученіе и содержаніе въ общежитіи воспитанницъ въ VII классѣ опредѣляется въ 125 руб., при своей одеждѣ и обуви. Плата обязательно вносится по полугодіямъ впередъ—по 62 р. 50 к. въ каждое полугодіе. Плата за право обученія входящихъ воспитанницъ опредѣляется въ 50 руб. въ годъ, по 25 р. впередъ за каждое полугодіе.

5) VII-й классъ имѣетъ быть открытъ при условіи принятія въ классъ не менѣе 30 воспитанницъ; въ случаѣ принятія меньшаго противъ означеннаго количества ученицъ, плата за обученіе имѣетъ быть увеличена пропорціонально недостающей суммы на содержаніе класса.

II.

Отъ Совѣта Нижегородскаго Епархіальнаго женскаго училища симиъ объявляется, что, по постановленію обще-епархіальнаго съѣзда духовенства, бывшаго въ іюль мѣсяцѣ с. г., плата за полное содержаніе въ общежитіи училища съ воспитанницъ духовнаго званія во всѣхъ классахъ опредѣлена въ 120 руб. въ годъ (съ одеждой и обувью отъ училища). Тѣ воспитанницы V и VI клл., которыя бы пожелали докончить курсъ при своей одеждѣ и обуви, платятъ за содержаніе по 110 р. въ годъ. Плата обязательно должна вноситься впередъ по равной части въ два срока: при представленіи въ училище и тотчасъ-же послѣ Рождественскихъ каникулъ. Единовременный 15-руб. взносъ на постельные приборы и представленіе нѣкоторыхъ вещей изъ бѣлья вновь поступающими въ училище дѣвицами—отмѣняются.

Изъ замѣтокъ читателя.

Наше духовенство переживаетъ тяжелое время. Оно стало предметомъ особаго наблюденія: ихъ дѣйствія, слова, внѣшній образъ,—все это выставляется на видъ, подвергается критикѣ, иногда осмѣянію. Говоримъ не о тѣхъ сторонахъ церковной жизни, кото-

рыя выдвинуты разными обстоятельствами настоящего времени и которыя заслуживаютъ серьезнаго изученія, но о явленіяхъ обыденныхъ.

Недавно священникъ о. Лисовскій выступилъ съ обличеніемъ своихъ собратій на страницахъ СПБ. В. (№ 152). У народа, говоритъ онъ, мало духовной жизни, потому что недостаточно ея у духовныхъ его вождей. Въ церкви все мы какъ будто одинаково отдаемъ Богу, сходимся въ вѣрованіяхъ и чувствованіяхъ къ Нему; но со службой церковной оканчивается у насъ Божій праздникъ и начинается усердное служеніе міру. Само духовенство не прочь принимать участіе въ роскошныхъ обѣдахъ съ изысканными яствами и питіями, чѣмъ подаетъ примѣръ свѣтскимъ людямъ жить не по духу, а по плоти. Отсюда беретъ начало и народный разгулъ въ праздники. Авторъ указываетъ случаи, когда ему пришлось вмѣстѣ съ другими священниками быть на одномъ церковномъ торжествѣ. Долго и тщательно ѣли всякую всячину (?), пили различныя вина, шутили, тѣшили самолюбіе другъ друга тостами и льстивыми рѣчами. Пастыри должны подавать примѣръ всею своею жизнью, взоромъ, походкой, рѣчью, держаніемъ себя. Такъ было въ первые вѣка христіанства, когда пастыри учили примѣромъ своей жизни свою паству, когда ихъ жизнь не расходилась съ словами. Теперь же жизнь идетъ совершенно въ разрывъ съ тѣмъ, что проповѣдуется въ церкви. Проповѣдуютъ воздержаніе—сами не воздержны, проповѣдуютъ любовь—сами проявляютъ ненависть, проповѣдуютъ простой (?) образъ жизни, а нѣкоторые (монахи) даютъ обѣтъ нестяжанія—жизнь же ихъ не соответствуетъ даваемымъ обѣтамъ.

„Не было бы столько зла на землѣ, заключаетъ авторъ, если бы мы, съ любовью указывая грѣхи людскіе, и сами принимали отъ нихъ обличеніе своихъ недостатковъ и исправляли свою жизнь. А такъ какъ мы развращены сами, то отъ насъ развращается и погибаетъ народъ“.

Придавать серьезное значеніе рассказанному батюшкой случаю не слѣдовало бы, если бъ онъ не поспѣшилъ сдѣлать его предметомъ публицистической замѣтки на страницахъ столичной газеты, съ особымъ интересомъ слѣдящей за всеми отрицательными сторонами жизни нашего духовенства. Вѣдь, иной простецъ, и даже интеллигентъ, дѣйствительно можетъ придти къ заключенію: у народа мало духовной жизни, потому что недостаточно ея у духовныхъ вождей его. Что же, однако, возмутило автора? Что „развращающаго“ нашелъ онъ въ поведеніи своихъ собратій? Рѣчь идетъ о какомъ-то торжественномъ обѣдѣ, въ которомъ принимало участіе духовенство, „ѣвшее всякую всячину“, пившее различныя вина, говорившее тосты и пр. Говорится о какомъ-то отдѣльномъ случаѣ въ жизни пастыря церкви, который отнюдь не даетъ основанія дѣлать заключеніе къ общему характеру его жизни.

Сказать, что подобный случай можетъ служить „началомъ народнаго разгула“, значитъ сказать нѣчто нелѣпое. Народный разгулъ, развращеніе народа часто имѣютъ свое мѣсто и въ такихъ церковныхъ приходахъ, въ которыхъ приходскіе пастыри отличаются

высокою жизнью, примѣрнымъ поведеніемъ. Нельзя ставить жизнь церковнаго общества въ такую зависимость отъ образа жизни его духовнаго пастыря, чтобы между ними находилась причинная зависимость. Жизнь одного не есть точная копія другого. Что пастырь церкви долженъ подавать примѣръ паствѣ своею доброю жизнью,—этого никто не отрицаетъ. Чѣмъ выше положеніе извѣстнаго лица въ обществѣ, тѣмъ оно ответственнѣе. Жизнь пастыря по преимуществу должна быть „свѣтомъ предъ челоуѣками, чтобы видѣли его добрыя дѣла“. Малѣйшее пятно, незначительная тѣнь могутъ быть замѣтны здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Но въ оцѣнкѣ этого принципа мы всегда легко можемъ впасть въ опасность превратнаго сужденія: или быть слишкомъ разборчивыми и строгими судьями, или несправедливыми, если на основаніи нѣсколькихъ отдѣльных фактовъ заключимъ о цѣломъ, или, наоборотъ, неумѣлыми, если только по одному внѣшнему выраженію будемъ судить о внутреннемъ настроеніи. Въ нравственномъ образѣ пастыря въ идеальномъ его представленіи такъ много высокаго и недосягаемаго, что не всякій въ состояніи возвыситься до его положенія и уловить все черты этого образа. То же, что иногда онъ и можетъ замѣтить, не всегда отражаетъ этотъ образъ въ его цѣлости. Мы легко можемъ подойти къ оцѣнкѣ личности пастыря не съ той стороны, съ которой слѣдовало бы.

Только фарисейски-ригористическая совѣсть, измѣряющая праведность жизни согласіемъ съ буквой закона, можетъ возмущаться и соблазняться такими фактами, о которыхъ рассказываетъ авторъ. Но оцѣнивать образъ поведенія челоуѣка съ точки зрѣнія казуистическихъ правилъ христіанской морали значить погрѣшать противъ истинной христіанской морали.

Жизнь нашего духовенства чиста и безупречна, у нѣкоторыхъ же и высока по своимъ подвигамъ. Клеймить и подвергать ее публичному осужденію никто не имѣетъ нравственнаго права. Только обычной тенденціей поборниковъ благочестія выставить на видъ отрицательныя стороны ея можно объяснить нападки свѣтской печати на наше духовенство.

Выставляемый о. Лисовскимъ на судъ общественнаго мнѣнія фактъ изъ жизни духовенства, вѣдь, не есть заурядное явленіе. Наше духовенство настолько бѣдно и такъ мало обезпечено, что не имѣетъ рѣшительно средствъ бражничать, „ѣсть всякую всячину“ пить различныя вина, задавать торжественныя обѣды съ тостами и спичами. Живя среди простого сѣраго народа, въ захолустѣ, оно и по образу своей жизни не далеко отстоитъ отъ этого народа. Насущныя нужды его, и матеріальныя и духовныя, такъ велики, что для удовлетворенія ихъ оно не всегда можетъ воспользоваться имѣющимися у него средствами.

Что касается участія приходскаго духовенства въ устраиваемыхъ паствою торжествахъ (по случаю брака, крещенія, поминовенія и пр.), то оно есть обыкновенное явленіе, освященное обычаями народа, отнюдь не противное и уставамъ церковнымъ, радостно благословляющимъ торжественныя событія въ жизни челоуѣка. Характеръ этихъ праздниковъ можетъ быть, конечно, различенъ. Они могутъ быть подобны описан-

ваемому авторомъ „торжественному обѣду“, но могутъ быть скромными и ничего предосудительнаго въ себѣ не заключающими. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ они не могутъ свидѣтельствовать ни о невозддержаніи, ни о жизни по плоти нашего духовенства.

О. Е—ій.

Поднятіе нравственности среди нашего юношества.

(По поводу всероссійскаго съезда о.о. законоучителей средних учебныхъ заведеній въ С.-Петербурѣ).

(Окончаніе).

Пастырское сердце тяжело скорбитъ по поводу великаго нравственнаго недостатка, усиливающейся современной безнравственности... „Ужасны,—читаемъ въ „Посланіи къ пастырь по поводу безнравственности“,—слѣдствія этого порока. ¹⁾ У кого сердце не обливаётся кровью при видѣ всѣхъ страданій и преступленій, въ которыхъ раскрываются язвы этой нравственной болѣзни и обваруживается истинная природа этого порока, при видѣ столь распространенной болѣзни, которая носитъ на себѣ клеймо позора и выражаетъ въ себѣ проклятіе этого грѣха! Ибо таковъ неизмѣнный законъ нравственнаго міропорядка: едва ли какой другой порокъ въ такой степени носитъ свое наказаніе въ себѣ самомъ, и кто пилъ изъ чаши упоенія, долженъ пить также и изъ чаши гнѣва Божія (Апок. 26, 19). Ни одинъ грѣхъ не доходитъ такъ быстро и разрушительно до жизненныхъ корней религіи, вѣры и молитвы, до жизненныхъ корней семьи и народа. Значительное уменьшеніе числа рожденій въ послѣднее время показываетъ, что эта чума грозитъ уже самымъ источникамъ народной жизни

Поистинѣ можно повторить плачъ пророка: „Истоцились отъ слезъ глаза мои, волнуется во мнѣ сердце мое отъ гибели дщери народа моего. (Плачъ Іер. 2, 11), можно плакать о гибели дѣтей и грудныхъ младенцевъ, по чужой винѣ отравленныхъ въ началѣ весны своей жизни духомъ нечистоты и остающихся его рабами на всю жизнь, о юношахъ и дѣвахъ, душа и тѣло которыхъ смертельно ранены этимъ порокомъ, о столькихъ расторгнутыхъ бракахъ, о разрушенномъ семейномъ счастьѣ, о столькихъ загубленныхъ жизненныхъ силахъ и утраченной радости жизни“.

Причинъ распространенія безнравственности много; но изъ нихъ въ „Посланіи“ указываются слѣдующія: нищета, алкоголь, изданіе позорными спекулянтами безнравственныхъ картинъ и открытыхъ писемъ, сочиненіе и изданіе безнравственныхъ книгъ и (главная причина) враждебный религіи, нехристіанскій духъ времени.

„Съ сожалѣніемъ слѣдуетъ указать (какъ на причину распространенія порока безчестья) прежде всего на плохія социальныя условія, на безработицу, на недостатокъ жилищъ, особенно на казармы, и наемные

углы для рабочихъ въ большихъ городахъ и въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Поэтому государство и церковь, законодательство и попечительство о бѣдныхъ, общественная и частная благотворительность не должны ослабѣвать въ стремленіи преградить источники социальной нищеты, а вмѣстѣ съ нею и пороки, и мы всегда должны быть готовы протянуть руку помощи тѣмъ, кого нищета ввела въ грѣхъ или грѣхъ ввелъ въ нищету.

Нужно указать на алкоголь, сдѣлавшійся для многихъ настоящимъ ядомъ, которому здѣсь принадлежитъ видная роль. Ибо неумѣренное его употребленіе возбуждаетъ низшіе инстинкты, заглушаетъ совѣсть, ослабляетъ волю и дѣлаетъ безстыднымъ и нецѣломудреннымъ (Притчей 20, 1) и предрасполагаетъ къ безнравственности. Вотъ еще основаніе для того, чтобы ревностно продолжать борьбу съ злоупотребленіемъ спиртными напитками.

Затѣмъ нужно безъ сожалѣнія выставить въ позорному столбу всѣхъ вредныхъ для общества людей, столь же опасныхъ, какъ отравители и убійцы, которые, вслѣдствіе своей испорченности и постыдной жадности наживы, распространяютъ развратъ въ народѣ, какъ бы какой товаръ, тысячами издаютъ безнравственныя картины и открытыя письма, тайно и явно продаютъ ихъ юношамъ и выставляютъ ихъ въ витринахъ для общаго соблазна. Какой позоръ для нашего времени! Дѣло дошло до того, что безнравственныя картины и книги сдѣлались главнымъ предметомъ и средствомъ рекламы, гнусной приманкой для завлеченія покупателей въ лавку. Этимъ преступнымъ людямъ нужно запретить торговлю. Это позорнѣйшее ремесло широко распространилось по странѣ, прикрываясь лживыми выдумками, будто оно служитъ цѣлямъ искусства или даже нравственности... Нужно установить надзоръ за разносчиками и газетчиками, бойкотировать тѣ магазины, которые держатъ или выставляютъ что-либо неприличное и не допускать до порога подобныхъ торговцевъ. Это мы обязаны сдѣлать во имя нашего юношества, чести нашего народа.

Но главная причина нравственнаго упадка лежитъ глубже. Главный виновникъ—это враждебный религіи, нехристіанскій духъ времени.

Кто внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ въ послѣднія десятилѣтія невѣріе все смѣлѣе поднимало голову, какъ церковь и религія подвергались нападкамъ и клеветамъ, какъ настойчиво стремились поколебать въ народѣ вѣру въ Бога и будущую жизнь, почтеніе къ власти, уваженіе къ закону, ослабить вліяніе христіанства на народную жизнь, на семью, на школу, какъ безнаказанно оскорблялось все святое, позорилась вѣра и высмѣивалась добродѣтель, тотъ не можетъ удивляться страшному упадку нравственности и воцаренію разврата. Пожинаютъ то, что посеяли. Думали, что религію и христіанство можно отбросить въ сторону, какъ что-то устарѣлое и отжившее и тщетно пытались изобрѣсти такъ-называемую независимую мораль, нравственное ученіе и нравственность безъ религіозной помощи. Въ результатѣ получилось полное смѣшеніе всѣхъ нравственныхъ понятій и необычайное паденіе нравственнаго достоинства народа. Христіанство и церковь, всегда настаивающія на подчиненіи чувствен-

¹⁾ Журналъ „Христіанинъ“ 1909 года, май, стр. 100—103. Кстати, рекомендуемъ этотъ журналъ вниманію читателей: въ немъ много интересныхъ, научно-популярныхъ и назидательныхъ статей.

ной природы и ея инстинктовъ душѣ и высшимъ цѣлямъ жизни, обвиняли въ томъ, что ихъ нравственное учение противно природѣ, что оно душитъ природные инстинкты: отвергали вѣчныя основы нравственности, десять великихъ святыхъ заповѣдей, требовали полной свободы для чувственныхъ инстинктовъ, произносили громкія рѣчи о возвышеніи, утвержденіи, обогащеніи жизни, достигаемомъ этимъ путемъ, и что же въ результатъ? Позорнѣйшее закабаленіе страстямъ внутренняго человѣка, болѣзнь, разложеніе и смерть. Дикая, освобожденная отъ всякой узды сила чувственности бросалась въ бездну порока и погубила тѣло и духъ.. Безконечно гордились вишней культурой, а теперь оказывается, что въ основѣ ея лежитъ *нравственное одичаніе* и что отъ нея идетъ запахъ тлѣнія. „Ибо виноградъ ихъ отъ виноградной лозы Содомской и съ полей Гомморскихъ; ягоды ихъ ягоды ядовитыя, грозди ихъ горькіе; вино ихъ ядъ драконовъ и гибельная отравка аспидовъ“. (Второзаконіе 32, 32). *Прогрессъ во вишней культурѣ вмѣстѣ съ одновременнымъ регрессомъ нравственности дѣлаетъ народъ не великимъ, а больнымъ.* 2).

Къ нашему времени примѣнимо строгое слово апостола: „Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посеетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣніе“. (Гал. 6, 7—8). „Вы воздѣлывали безбожіе, сказалъ еще пророкъ, починаете беззаконіе, ѣдите плодъ лжи“. (Ос. 10, 13).

Ревностные о возвышеніи народной нравственности пастыри мужественно призываютъ общество, всѣхъ истинныхъ христіанъ къ борьбѣ съ „скверною міра“... Каждый добрый христіанинъ долженъ подавать своею строго-нравственною жизнію примѣръ окружающей его средѣ вообще и молодому поколѣнію въ частности. Родители и воспитатели должны серьезно подумать о той великой отвѣтственности, которая лежитъ на нихъ въ дѣлѣ воспитанія юношества,—о томъ, какъ вырвать изъ бездны порока массы жертвъ. „Начало премудрости—страхъ Божій“... Сознаніе боязни грѣха—вотъ что слѣдуетъ внушать почаще молодому поколѣнію. Пусть это чувство охраняетъ нашихъ дѣтей и тогда, когда они находятся внѣ нашего наблюденія. Необходимо приучать дѣтей къ ежедневной молитвѣ, къ труду и къ закаленію своей воли въ добромъ направленіи, въ строгомъ охраненіи чистоты совѣсти. Покойный извѣстнѣйшій нашъ русскій педагогъ-христіанинъ С. А. Рачинскій, какъ извѣстно, бралъ съ воспитанниковъ своей школы, окончившихъ курсъ, подписки о сохраненіи нравственной чистоты и трезвости... Существуютъ симпатичныя по идеѣ „Христіанскія содружества учащагося юношества“; желательно имѣть больше свѣдѣній объ ихъ дѣятельности и пользѣ ихъ. Пастыри, учителя, начальники, хозяева возьмутъ на себя трудъ охранять ввѣренныхъ ихъ попеченію лицъ отъ язвы порока... Такимъ путемъ будетъ оказана великая услуга дорогому отечеству нашему.

Протоіерей *Петръ Альбицкій.*

2) Горькая правда этихъ словъ „воззванія“ понятна каждому вдумчивому наблюдателю и нашей русской общественной жизни въ послѣдніе годы...

Хроника мѣстной епархіальной и общей церковной жизни.

I.

Вельдемановская школа. Слухи о закрытіи второклассной школы въ с. Вельдемановѣ ни на чемъ не основаны. Вельдемановская школа продолжаетъ функционировать не какъ одноклассная, а попрежнему—какъ второклассная.

НЕКРОЛОГЪ.

13 мин. іюля непостыдно и мирно скончался 75-лѣтній священникъ села Карауловки Никандръ Васильевичъ Знаменскій. Это была личность смиренная, кроткая, безропотная, услужливая для всѣхъ и особенно для ближайшихъ къ нему сопастырей, бремена коихъ, при случаѣ нужды ихъ, возлагалъ на себя безкорыстно и честно, за что долго они будутъ вспоминать его въ своихъ молитвахъ предъ Престоломъ Господнимъ.

Совершенно скромно прошла жизнедѣятельность скончавшагося. Лѣтъ 20 прослужилъ онъ въ с. Гавриловѣ, лукояновскаго уѣзда, діакономъ, а потомъ, съ переходомъ въ Карауловку, добре подвизался здѣсь въ санѣ приходскаго іерея около 25 лѣтъ. Не прохода никакихъ побочныхъ должностей, онъ, однако, не былъ забытъ отъ начальства наградами, коихъ онъ нимало не искалъ, постепенно удостоившись, вельдѣ за выходомъ за штатъ, наперснаго креста отъ Свят. Синода.

Всѣмъ знающимъ его невольно придется долго, съ искреннимъ чувствомъ сердца молиться Мздовоздающему всѣхъ: священство его да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ и да воздастъ ему по достоинству щедротами своими.

Хорошо очертилъ характеръ почившаго священникъ с. Какина о. В. Радаевъ въ слѣдующемъ надгробномъ словѣ Своемъ.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Позволь и мнѣ, досточтимый о. Никандръ, сказать тебѣ послѣднее прости, потому что ты уходишь отъ насъ не на годъ, не на два, а на цѣлую вѣчность,—уходишь въ страну невѣдомую, загробную, куда всѣ идутъ, но откуда никто не возвращается. Не пощадилъ смерть и тебя, какъ не щадитъ она никого. Ей всѣ покорны: и безмолвный младенецъ, и цвѣтушій юноша, и крѣпкій мужъ, и согбенный старецъ. Замкнула она навсегда твои уста и лежишь ты теперь предъ нами бездыханнымъ.

Теперь ты спокоенъ: не трогаютъ тебя болѣе заботы, въ которыхъ провелъ ты свою жизнь, ни болѣзни, отъ которыхъ ты страдалъ въ послѣднее время, не скорбишь ты болѣе о своихъ присныхъ и знаемыхъ. Для тебя настала та вѣчная, нескончаемая жизнь, къ которой направлена вся наша земная надежда. Для тебя теперь ясна вся суета земной жизни, единственнымъ утѣшеніемъ для тебя служить вѣра ожидаемаго вѣчнаго упокоенія. Ты, досточтимый о. Никандръ, лишился больного, немощнаго тѣла и зато теперь свободнѣе возносишься духомъ; ты оставилъ здѣшній міръ, исполненный скорбей и напастей, зато будешь обитать въ мірѣ духовъ, гдѣ нѣтъ ни заботы, ни скорби, ни печали.

И вотъ мы, твои собратія по благодати и твои дѣти по духу, собрались сюда, какъ бы на праздникъ, чтобы отпраздновать твой переходъ изъ здѣшней скорбной жизни въ жизнь иную, лучшую, чтобы сообща помолиться предъ Всеблагимъ Нашимъ Творцомъ о дарованіи тебѣ вѣчной, блаженной жизни, чтобы помолиться за тебя именно здѣсь, гдѣ ты болѣе двадцати пяти лѣтъ возносилъ свои молитвы предъ Престоломъ Вышняго. Давно-ли ты здѣсь молился за другихъ умершихъ, а теперь самъ нуждаешься въ молитвахъ за себя? Давно-ли ты сопровождалъ другихъ въ загробную жизнь на мѣсто вѣчнаго покоя, а теперь самъ собралъ васъ для того, чтобы проводить тебя самого.

И мы въ тебѣ, досточтимый о. Никандръ, провожаемъ одного изъ немногихъ, оставшихся пастырей добраго стараго времени: пастыря кроткаго, пастыря смиреннаго, пастыря труженика, пастыря молитвенника. Кто не видалъ твою кротость и смиреніе? Можетъ-ли кто-нибудь пожаловаться, что ты обидѣлъ его? Можетъ-ли кто-нибудь сказать, что видѣлъ тебя издѣвающимся надъ другими? Нѣтъ, ты самъ съ спокойствіемъ, безропотно перенесъ бы всякія оскорбленія и обиды, ты безъ тѣни неудовольствія, безъ всякихъ колебаній и отговорокъ старался всѣмъ услужить.

Никому изъ тѣхъ, которые пользовались твоими услугами, никогда бы и въ голову не пришло, чтобы о. Никандръ могъ отказать въ ожидаемыхъ услугахъ? Но намъ извѣстно еще не все твое смиреніе, оно извѣстно единому Господу, Который сокрушеннаго и смиреннаго сердцемъ никогда не уничтожитъ: ни здѣсь, ни тамъ,—въ странѣ воздаяній.

Что же еще тебѣ сказать на послѣднее прощаніе?

Скажи-же что-нибудь намъ и самъ. Мы ждемъ твоего послѣдняго слова. Но ты молчишь! Тогда позволь за тебя скажу я, скажу не свои слова, не свое измышленіе, а слова погребальнаго церковнаго пѣснопѣнія:

„Прійдите вси любящіи мя и цѣлуйте меня послѣднимъ цѣлованіемъ... Къ Судии бо отхожу, гдѣ нѣтъ лицепріятія: тамъ рабъ и владыко вмѣстѣ стоятъ, царь и воинъ, богатый и убогій находятся въ равномъ достоинствѣ, каждый тамъ отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится; но прошу васъ всѣхъ: непрестанно молитесь о мнѣ Христу Богу, чтобы не былъ я низведенъ за грѣхи мои на мѣсто мученія, но чтобы удостоилъ меня мѣста, гдѣ свѣтъ животный. Аминь.»

Прот. І. Добротворскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Необходимая мѣра. Холера и народъ. Культурное состояніе нашей деревни. Самоубійства въ средней школѣ.

Нынѣшній урожай хлѣбовъ официально признанъ богатымъ: зерно по своей натурѣ, цвѣту и наливу вышло такое, какого не запомнятъ старожилы. Къ началу августа всѣ главнѣйшіе сорта скошены, поставлены въ копны и болѣе чѣмъ на половину свежены на гумна, и каждый день погоды въ данное время,

въ смыслѣ оцѣнки качества хлѣба, стоитъ буквально десятки милліоновъ рублей. Уродилось хорошо, и убирается въ сухомъ, безопасномъ и годномъ для долговременной выдержки видѣ, а это важно при крупномъ хлѣбномъ избыткѣ въ настоящемъ году.

Нашъ урожай учтенъ уже на за-граничныхъ рынкахъ, и понижающаяся тенденція идетъ на него въ небывалыхъ размѣрахъ.

Воспользуемся-ли мы, однако, спрашиваетъ пр. Лохтинъ, этимъ благопріятнымъ случаемъ и вообще извлечемъ-ли для себя изъ посланнаго намъ судьбой дара тѣ выгоды и послѣдствія, которыя оно можетъ дать? Къ сожалѣнію, появились зловѣщіе признаки, которые вызываютъ очень серьезныя опасенія въ этомъ отношеніи. Цѣны на хлѣбъ быстро падаютъ и грозятъ свести на нѣтъ выгоды урожая. И нужно при этомъ обратить особое вниманіе на то, что состояніе мірового запаса хлѣбовъ и урожая другихъ странъ не даетъ къ рѣзкому паденію цѣнъ никакихъ основаній.

Какъ сообщаетъ „Хлѣбное Дѣло“, міровые запасы хлѣба на первое августа сократились противъ прошлаго года съ 9 до 7 милліоновъ кварталовъ, урожай же во всей Западной Европѣ запоздалъ и ухудшился. Въ Германіи и Австріи получился серьезный недородъ озимыхъ хлѣбовъ, а въ Аргентинѣ, вслѣдствіе засухи, площадь посѣва одной только пшеницы сократилась почти на два милліона десятинъ и настолько же сократилась площадь посѣва другихъ хлѣбовъ. Наконецъ, и въ самой Россіи есть мѣстности, обнимающія 16 губерній съ неудовлетворительнымъ и даже плохимъ урожаемъ; на примѣръ, ниже средняго урожай озимой пшеницы въ такихъ важныхъ по снабженію губерніяхъ, какъ тамбовская, самарская, полтавская и подольская, а въ большей части южной и юго-западной Сибири стояла такая жаркая, сухая погода, что и тамъ рассчитывать на хорошій урожай тоже невозможно. Наконецъ, нужно принять во вниманіе также и то, что, благодаря недородамъ прежнихъ лѣтъ, въ Россіи запасы хлѣба совершенно истощены и новый урожай по необходимости прежде всего долженъ пойти на пополненіе этихъ запасовъ.

Однимъ словомъ, общее міровое состояніе хлѣбнаго баланса и виды на будущее вовсе не таковы, чтобы считать неизбѣжнымъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ. А между тѣмъ онѣ все-таки падаютъ низко и быстро, падаютъ, очевидно, подъ воздѣйствіемъ за-граничной спекуляціи, распускающей преувеличенные слухи о предстоящемъ загроможденіи Европы массами новаго русскаго хлѣба и пользующейся нашей неосвѣдомленностью въ состояніи мірового рынка и отсутствіемъ какой-либо организаціи въ нашей первобытной хлѣбной торговлѣ. Если такъ будетъ продолжаться дальше, если мы, по нашей привычкѣ бездѣйствовать, будемъ сидѣть сложа руки, пассивно предоставляя дѣлу идти, какъ оно направляется жадными до наживы спекулянтами, то мы рискуемъ тѣмъ, что выгодами отъ нашего урожая воспользуемся не мы, а воспользуются за-граничные экспортеры. Они придерживаютъ покупки, рассчитывая на то, что наши сельскіе хозяева, нуждаясь въ деньгахъ, загромождаютъ хлѣбный рынокъ массами своего новаго хлѣба, они распространяютъ и поддерживаютъ слухи о сказочныхъ количествахъ этого

хлѣба и они же, при посредствѣ ими руководимыхъ нашихъ частныхъ коммерческихъ банковъ, предъявляютъ требованія о немедленной ликвидаціи заложенныхъ запасовъ прежняго хлѣба, который, поступаая на рынокъ какъ-разъ въ моментъ появленія новаго урожая, еще болѣе угнетаетъ хлѣбныя цѣны. И подѣ воздействием этой кампаніи могущественной за-граничной спекуляціи, русскихъ сельскихъ хозяевъ ожидаетъ горькое разочарованіе. Хлѣба у нихъ будетъ много и при томъ небывало высокаго качества, но не будетъ цѣны и весь этотъ щедрый даръ природы утечетъ въ карманы спекулянтовъ.

Неужели это неизбежно? Неужели нельзя найти тѣ или иныя немедленныя экстренныя мѣры для предотвращенія подобной перспективы? Неужели мы, несмотря на всѣ зловѣщія факты, будемъ сидѣть сложа руки и никто у насъ не зашевелится для противодѣйствія акуламъ, желающимъ положить себѣ въ карманъ сливки съ нашего урожая, лишивъ возможности русскихъ сельскихъ хозяевъ поправить свои дѣла и оставивъ ихъ въ прежнемъ раззореніи.

Намъ кажется, что такія мѣры есть и могутъ быть приняты немедленно. Если при недородѣ правительство принимаетъ мѣры для продовольствія голодающаго населенія и съ этою цѣлью даже выработало правильную организацію, то, казалось бы, можно и должно вмѣшаться въ дѣло и въ обратномъ случаѣ, тогда, когда населенію является случай поправить свои разстроенныя дѣла, но когда это счастье хотятъ у него вырвать изъ рукъ другіе.

Все дѣло въ данномъ случаѣ въ томъ, чтобы не допустить пагубнаго загроможденія рынка хлѣбомъ, чтобы сельскіе хозяева могли придержать свой урожай, въ нужное время воздержавшись отъ немедленной продажи. Необходимо снабдить въ видѣ ссудъ подѣ хлѣбъ деньгами и если практикуется сложная организація по покупкѣ, перевозкѣ и храненію продовольственнаго хлѣба во время голодовокъ, то почему не можетъ быть предпринята организація для правильной ликвидаціи урожая? Хлѣбомъ могутъ быть заполняемы элеваторы и опустѣвшіе общественные магазины, массы хлѣба могутъ быть собраны и задержаны на зиму въ баржахъ на рѣчныхъ пристаняхъ и, наконецъ, могутъ быть на-скоро устроены и вновь хлѣбныя магазины, воспользовавшись для нихъ тѣми или другими существующими строеніями. Всю эту операцію могло бы выполнить земство, ближе всего ознакомленное съ мѣстными обстоятельствами, что же касается до капитала, требующагося на выдачу ссудъ подѣ хлѣбъ, то на помощь этому дѣлу слѣдовало бы придти государственному банку. Не все же заниматься выдачею ссудъ лишь богатымъ и сильнымъ торговымъ фирмамъ и предпріятіямъ, нужно же придти въ критическую минуту на помощь и всему населенію. Казалось бы также, что нужно устранить и поводъ къ скорѣйшей продажѣ урожая, вызываемый уплатою податей. Ихъ можно было бы разсрочить на извѣстное время, чтобы дать возможность къ болѣе равномерному поступленію хлѣба на рынокъ.

Однимъ словомъ, тѣ или иныя мѣры во всякомъ случаѣ необходимы и при томъ необходимы самымъ настоятельнымъ, экстреннымъ образомъ.

Почти двадцать лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ того памятнаго года, когда напуганное холерными ужасами темное населеніе нижняго Поволжья и юго-востока Россіи разбивало и разносило по бревнамъ холерные бараки, уничтожало медицинскіе препараты, избивало врачей, фельдшеровъ и студентовъ. За двадцать лѣтъ много воды утекло: мы пережили нѣсколько голодовокъ, имѣемъ за плечами революцію, у насъ даже есть народное представительство и многое другое, чего не было раньше. Но тѣмъ не менѣе отношеніе населенія къ эпидеміи не измѣнилось ни на іоту. Легенда о докторахъ, „пускающихъ холеру“, жива и понынѣ, какъ живы и легенды о порчѣ питьевой воды, отравленіи заболѣвшихъ и т. д., безъ конца. Къ нашему счастью, ни въ прошломъ, ни въ текущемъ годахъ въ провинціи эпидемія не получила большого распространенія. Земства и города до сихъ поръ съ эпидеміей борются довольно успѣшно. Лишь въ отдѣльныхъ раіонахъ, отличающихся или сугубыми антисанитарными порядками, какъ Вологда, или же отсутствіемъ медицинской помощи, какъ губернія архангельская, эпидемія прочно укрѣпилась. И вотъ въ этихъ раіонахъ мы и наблюдаемъ то, свидѣтелями чего были семнадцать лѣтъ назадъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ губернія псковская. Недавно три тому назадъ, вскорѣ послѣ появленія холерныхъ заболѣваній въ губерніи, силу мужичьихъ кулаковъ и мужичьяго невѣжества испытали на себѣ забредшіе въ одну подгородную деревушку матросы. Бѣдные матросы, ничего не подозревая, испытывая жажду, вздумали достать изъ колодца бутылку воды. Мужики рѣшили, что пришельцы не кто другой, какъ переодѣтые, „пускающіе холеру“ студенты, и порядочно ихъ поколотили.

Немного позднѣе мужики замѣтили одного студента, занимавшагося сборомъ гербаріума. Его поймали и обыскали, при обыскѣ нашли коробку зубного порошка, въ которомъ признали „холерный ядъ“. Чтобы спасти свою жизнь, студентъ рѣшился на героическое средство: съѣсть порошокъ на глазахъ озвѣрѣвшей толпы. Когда онъ это продѣлалъ и остался здоровымъ, толпа успокоилась и отпустила его съ миромъ. Но наиболѣе яркій примѣръ разсказанъ „Псковск. Ж.“ изъ жизни крестьянъ посада Александровка, псковскаго уѣзда. Въ посадѣ было нѣсколько холерныхъ заболѣваній. Земство открыло тамъ баракъ, завѣдываніе которымъ поручило студенту-медику Волянскому. Съ первыхъ же шаговъ своего пріѣзда въ посадъ Волянский со стороны населенія встрѣтилъ къ себѣ въ высшей степени враждебное отношеніе. Когда въ баракѣ умерло трое холерныхъ, мужики устроили волостной сходъ, призвали на него Волянскаго и рѣшили учинить надъ нимъ расправу. Понявшій опасность своего положенія, студентъ вовремя успѣлъ скрыться. Позднѣе его всетаки поколотили; но гораздо безпощаднѣе обошлась толпа съ сельскимъ старостой и барачнымъ фельдшеромъ, защищавшими студента. Финаломъ самосуда явился разносъ холернаго барака и размѣщеніе больныхъ по домамъ.

Въ с. Нюхчи, архангельской губерніи, мы видимъ обратное явленіе. Тамъ холерныхъ больныхъ по домамъ не разбираютъ, а заперши ихъ въ избѣ, бѣгутъ отъ нихъ, куда глаза глядятъ. Чтобы оказать боль

нымъ какую-нибудь помощь, медицинскій персоналъ вынужденъ ходить по избамъ, сбивать дверные замки и разыскивать больныхъ.

По существу разницы между псковичами и архангельцами всетаки нѣтъ. Болѣе удивительно то, что въ своемъ отношеніи къ эпидеміи на одномъ уровнѣ съ темнымъ деревенскимъ населеніемъ стоитъ и городское населеніе.

Такъ, корреспондентъ „Duna-Seit“ сообщаетъ, что въ Митавѣ ходятъ самыя безсмысленныя слухи о лѣчѣннн холерно-больныхъ въ мѣстномъ баракаѣ. Рассказываютъ, что больныхъ сажаютъ въ ванны въ 40 град., покрываютъ известковымъ молокомъ и т. п. Весь этотъ вздоръ приводитъ къ тому, что больные скрываются до послѣдней возможности. Дикарей, распространяющихъ эти возмутительныя слухи и принимающихъ ихъ за звонкую монету, оказывается не мало.

Провинція наша недалеко ушла впередъ за эти двадцать лѣтъ! (Нов. Вр.).

Не только отношеніе деревни къ эпидеміи не измѣнилось, но и вообще, огрубѣніе народнаго быта, одичаніе его продолжаетъ процвѣтать въ полной силѣ. Характерныя картины въ этомъ отношеніи рисуетъ г. Меншиковъ. Грамотность, говоритъ онъ, повидимому, растетъ, но только слѣпыя теоретики могутъ думать, что она облагораживаетъ нашего мужика. Въ дѣйствительности этого нѣтъ ни въ малѣйшей степени. Правда, въ домахъ богатыхъ крестьянъ вы уже встрѣчаете теперь на стѣнѣ прибитые подъ стекломъ и въ рамкѣ похвальные листы и свидѣтельства объ окончаніи курса. Но книгъ, даже какой-нибудь зачаточной библіотеки, я ни въ одной избѣ не встрѣтилъ. Есть уже комодъ подъ вязаной салфеткой. Зеркало надъ комодомъ, стѣнные часы, керосиновая лампа, кофейная мельница, Это уже, какъ видите, кое-какая культура. Есть фотографіи на стѣнахъ, олеографіи вмѣсто наивныхъ картинъ коллекціи Ровинскаго. Но книгъ, даже учебниковъ, я не замѣтилъ. Не рѣдкость встрѣтить (у богачей) швейную машину, граммофонъ съ ужаснымъ, впрочемъ, репертуаромъ, но книгъ нѣтъ.

— Вы, я думаю, многое позабыли, что учили въ школѣ,—говорю одной крестьянкѣ, похвальный листъ которой на стѣнѣ свидѣтельствовалъ объ отличныхъ успѣхахъ—„Если бы забыла, отвѣтила она обиженно, то не получила бы монополію“. Вотъ примѣненіе грамотности въ деревнѣ. Мечта просвѣщеннаго крестьянина—получить монополію, т. е. мѣсто сидѣльца въ казенной винной лавкѣ. Обыкновенно это мѣсто получаютъ кулаки или жены кулаковъ съ хорошими свидѣтельствами изъ школы. На вопросъ: читаете-ли вы? что вы читаете? всѣ крестьяне, которыхъ я спрашивалъ, отвѣчали:—когда намъ читать? да и что читать? Отвѣтъ вдвойнѣ скверный. Стало быть, не только не читаютъ, но и не имѣютъ въ этомъ ни малѣйшей потребности. Времени для дѣйствительной потребности всегда нашлось бы. Еще въ московскую эпоху, когда народъ былъ грамотнѣе, чѣмъ теперь, существовала народная литература, и раскольники, напримеръ, до сихъ поръ еще находятъ въ ней что читать. Пониженный интересъ къ чтенію одинъ изъ важныхъ

признаковъ одичанія. Чтобы быть точнымъ, скажу, что въ одной избѣ я замѣтилъ разрозненный томъ романа нѣкоего Гейнце и томъ Достоевскаго въ приложеніяхъ „Нивы“. Во время революціи газеты кричали, что народъ до такой степени умираетъ отъ жажды просвѣщенія, что каждый газетный листъ, выброшенный изъ окна вагона, крестьяне разрываютъ на части. Правда, разрываютъ, но едва-ли отъ жажды просвѣщенія. Парни крутятъ изъ газетъ цыгарки, бабы пекутъ на лѣввыхъ газетахъ и даже на прокламаціяхъ пироги. Теперь, проѣзжая по глухимъ трущобамъ, я всѣ богатыя избы видѣлъ оклеенными внутри газетами. Всѣ наши петербургскія „злобы дня“ забавно кричатъ со стѣнъ и потолковъ деревенскихъ избъ. Карриатуру на г. Потапенка я видѣлъ въ шести разныхъ мѣстахъ избы. Ясно, что еврейскія газеты даже не выписывались и не читались, а покупались въ видѣ макулатуры—не ради текста, а ради полезныхъ свойствъ бумаги. Нельзя понять оклейку газетами избъ иначе, какъ признакъ глубокаго равнодушія народа къ печати. Если въ небольшомъ числѣ крестьяне выписываютъ газеты, то самыя дешевыя, т. е. самыя плохія. Надо замѣтить кстати, что еврейскія газеты находятъ откуда-то средства рекламировать себя въ провинціи. На всѣхъ мелкихъ станціяхъ даже казенныхъ желѣзныхъ дорогъ вы встрѣтите объявленія радикальныхъ газетъ, иногда уже давно прекратившихся.

Усиленно идетъ до сихъ поръ по деревнямъ разброска прокламацій революціоннаго содержанія. По словамъ одного священника, онъ въ прошломъ году ѣхалъ между двумя большими селами, и на разстояніи двадцати верстъ его возница, деревенскій паренъ, набралъ пукъ прокламацій, которыми потомъ оклеилъ избу. При этомъ священникъ мнѣ, петербуржцу, рассказалъ даже содержаніе нѣкоторыхъ прокламацій, о которыхъ я и не слыхивалъ.—Что же, спрашиваю священника,—дѣйствуютъ эти воззванія на крестьянъ?—И дѣйствуютъ, и нѣтъ, смотря по тому, въ какія попадаютъ руки. Нашъ приходъ глухой и бѣдный. Тутъ стоялъ когда-то монастырь, давно закрытый, но все-таки въ народѣ осталось нѣкоторое тяготѣніе къ храму и старья понятія. Но есть, конечно, дураки, которыхъ свихнуть не трудно. Есть, напримеръ, тутъ мужикъ въ деревнѣ—старый и благочестивый. Прочиталъ онъ прокламацію въ видѣ письма къ Государю и смутился.—„Невожъ взабыль (неужто правда) Царь перевелъ казну къ Англичанкѣ?“ спрашиваетъ.—„Невожъ взабыль хочетъ насъ оставить? Такъ съ истинно еврейскою добросовѣстностью революціонеры объяснили народу теперешніе визиты Государя къ сосѣднимъ дворамъ. Говорю мужику:—Старый ты человекъ, Ефремъ, и Бога боишься, какъ же ты могъ повѣрить такой глупости? Какъ же тебѣ не стыдно задавать мнѣ такіе вопросы?—Да я не вѣдаю, говоритъ,—въ газетинѣ прочиталъ, стало быть, смекаю, правда. Какъ видите, смута идетъ и просачивается вглубь. Старики еще упорны, а на парней эти бумажные поджоги дѣйствуютъ, и на иныхъ—рѣшительно. У насъ, повторяю, народъ крѣпче въ религіозномъ отношеніи, но у меня въ приходѣ есть парни, которые прямо въ глаза говорятъ: Бога нѣтъ, поповъ не надо. Церк-

ви веюду пустуютъ. Я еще борюсь съ этимъ, но трудно бороться. У насъ революція прошла почти незамѣтно, были, правда, кое-гдѣ забастовки, но тамъ, гдѣ изстари школы велись подозрительными учителями. Большинство деревенское не то не расчихало революціи; не то не повѣрило ей. Но и у насъ революція чрезвычайно сильно пошатнуло умы. Старики еще ничего, но молодежь огрубѣла страшно. Если собираются къ церкви, то ради дѣвокъ, да, вотъ, чтобы подрались. Драчливость развилась ужасающая, и непременно до ножей, до увѣчій. Встарину, какъ можете помните,—орудовали кулаками, рѣдко—кольями. Теперь у всѣхъ ножи, у нѣкоторыхъ парней—револьверы...

— Неужели револьверы? — переспросилъ я, изумленный „прогрессомъ“ родной сторонки.

— У многихъ,—подтвердилъ священникъ.—Откуда берутъ они, не могу вамъ сказать. Должно быть, за-граничные. Чаще—дешевенькіе, но есть и браунинги. Соберутся это парни и начинаютъ стрѣлять. У насъ, въ погостѣ, была старинная ярмарка, но въ послѣднее время она превратилась въ безобразіе, и я просилъ перевести ее. Парни какъ-то начали драться, и ну стрѣлять изъ револьверовъ.

— И убиваютъ другъ друга?

— А то какъ же! Не только убиваютъ, но еще и бахвалятся этимъ.

Ошибка думать, что революція ожесточаетъ народъ противъ только высшихъ классовъ. Она вообще ожесточаетъ, снимаетъ тонкую организацію гуманныхъ нравовъ, прививаемую культурой. Настроенные революціонно крестьяне люты не съ одними господами, но и другъ съ другомъ.

Можно бы счесть жестокость молодежи приливомъ энергіи, если бы дѣйствительность не утверждала обратное. Одновременно съ драками, стрѣльбой, поножовщиной замѣчается странная апатія тѣхъ же мужиковъ у себя дома и на полѣ. Работаютъ все хуже и хуже. Въ дождливую погоду огромная деревня тонетъ въ зловонной грязи, и мужики сидятъ дома: дождь.

— — —
Врачебно-санитарной частью учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія надняхъ выпущенъ сводъ свѣдѣній о самоубійствахъ и покушеніяхъ на самоубійства среди учащихся за 1908 годъ. Самоубійствъ за годъ было 83, покушеній на самоубійство 49, при чемъ въ первомъ случаѣ женщинъ зарегистрировано 19, а во второмъ 23. По категоріямъ учебныхъ заведѣній случаи самоубійства располагались въ такомъ порядкѣ: въ низшихъ школахъ 5 мальчиковъ, 1 дѣвочка; въ среднихъ—43 мальчика, 18 дѣвочекъ и въ высшихъ—16 мужчинъ. По классамъ случаи самоубійства располагались въ такомъ порядкѣ: въ приготовительномъ—1 сл., въ I—4, II—2, III—9, IV—9, V—9, VI—13, VII—18, VIII—6 сл. и не указано гдѣ—12 случаевъ. Причиной самоубійствъ служило: болѣзни нервныя и душевныя—21 случ., сифилисъ—1 случ., физическія страданія и недостатки—2 случ., экзамены—4 покушеній, отмітки—2 самоубійствъ и 7 покушеній, исключеніе и столкновеніе съ начальствомъ вызвали

по одному случаю покушеній, боязнь наказаній за малоуспѣшность—2 самоубійства и 4 покушенія, домашнія причины—14 самоубійствъ и 10 покушеній, неудачная любовь—6 самоубійствъ. Въ концѣ отчета приложенъ рядъ записокъ самоубійцевъ, могущихъ послужить хорошимъ матеріаломъ для психіатра по вопросу о нормальности самоубійцевъ и для педагога—о положеніи у насъ воспитанія дѣтей.

Въ жизни нашей духовной школы это зло такъ же нашло себѣ мѣсто. „Церк. Вѣстн.“ замѣчаетъ, что хотя самоубійства учащихся не представляются частымъ явленіемъ въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, однако, за послѣднія 20 лѣтъ они повторяются почти ежегодно, достигая иногда въ одинъ годъ до 6 случаевъ во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Наибольшее число самоубійствъ падаетъ на духовныя семинаріи; рѣже они встрѣчаются въ дух. училищахъ и еще менѣе въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. Въ семинаріяхъ покушаются на самоубійство учащіеся всѣхъ классовъ, въ училищахъ же только старшихъ классовъ. Способы лишенія жизни самые разнообразныя, но болѣе всего прибѣгаютъ къ огнестрѣльному оружію, не смотря на воспрещеніе ученикамъ духовныхъ школъ имѣть такое оружіе.

Что же побуждаетъ юношей и дѣвицъ на самой зарѣ своей жизни такъ противоестественно прервать ее? На основаніи произведенныхъ нами изслѣдованій можемъ сказать, что только въ рѣдкихъ случаяхъ покушенія на самоубійство носятъ импульсивный характеръ, возникая подъ вліяніемъ одного какого-либо сильно поразившаго событія. Съ такимъ характеромъ случаи самоубійствъ встрѣчаются въ мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищахъ. Напримѣръ, въ одномъ дух. училищѣ ученикъ получилъ за отвѣтъ на классномъ урокѣ баллъ 2. Это такъ поразило его кажущеюся ему несправедливостью, что онъ, поплакавъ нѣсколько минутъ въ классѣ и услышавъ за это еще угрозу отъ учителя понизить баллъ на 1, вышелъ изъ класса и бросился въ сосѣднюю съ училищемъ рѣку. Въ N. епархіальномъ женскомъ училищѣ одна воспитанница рѣшила покончить жизнь самоубійствомъ послѣ ссоры съ своими подругами.

Но подобные случаи очень рѣдки. Обычно же покушеніе на самоубійство является завершеніемъ сложнаго и длительного психологическаго процесса, въ составъ котораго входятъ многія тяжелыя душевныя переживанія, вызываемыя разнообразными причинами. Вотъ, напр., самоубійца семинаристъ III класса N. Отецъ его бросилъ свою жену съ дѣтьми безъ средствъ къ жизни. Покинутая мать должна была сама зарабатывать кусокъ хлѣба для себя и для семьи. Но ея трудъ плохо оплачивался, и сынъ семинаристъ принужденъ былъ отрываться отъ учебныхъ занятій для необходимаго заработка. Въ результатѣ провалъ на экзаменъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились вмѣстѣ печальныя обстоятельства, тяжелыя экономическія условія, школьная неудача. Все это склонило юношу къ рѣшимости покончить съ собою.

Отвѣтственный редакторъ Н. Боголюбовъ.